

АННА ГАЙДЕНКО

“Не мыслить себя вне любимого дела”: неизвестный архив Норы Галь

Перевод художественной литературы, который еще недавно был сферой совершенно закрытой, почти элитарной, доступной лишь немногочисленным “избранным”, в наше время постепенно демократизируется. Есть у этого, разумеется, и недостатки (например, растет число некачественных переводов), но есть и несомненные достоинства. Одно из них, пусть и не самое значительное, — это то, что теперь у самой широкой публики, даже непрофессиональной, появилась возможность говорить о художественном переводе. Большинство читателей сами знают как минимум один, а то и несколько иностранных языков, могут сравнить перевод с оригиналом и готовы участвовать в обсуждении удачных и неудачных решений переводчика — что, конечно, в советское время было совершенно немыслимо. На лекции, семинары и круглые столы, посвященные обсуждению переводческих трудностей и радостей, приходят не только специалисты, но и огромное число слушателей-любителей, мечтающих побольше узнать о том, как именно иностранные авторы начинают звучать на русском языке. Желающих послушать переводческие дискуссии так много, что не все помещаются в зону семинаров на книжной ярмарке “Non/fiction”, — красноречивое свидетельство небывалого подъема интереса к переводу. Для появления книги о Норе Галь¹, одной из самых знаменитых советских переводчиц, подарившей русскоязычным читателям “Маленького принца”, удачнее времени и не придумаешь.

Многие знают Нору Галь как талантливого переводчика; самый любимый и прославивший ее автор — это, конечно, Сент-Экзюпери, но еще благодаря ей в Советском Союзе узнали “Постороннего” Альбера Камю, “Поющих в терновнике” Колин Маккалоу, “Убить пересмешника” Харпер Ли, “Ко-

рабль дураков” Кэтрин Энн Портер, “Смерть героя” Ричарда Олдингтона, рассказы Азимова, Брэдбери, Моэма, Ле Гуин — это далеко не исчерпывающий список ее многочисленных работ. Многие знают Нору Галь и как внимательного редактора, борца с канцеляритом, неудобочитаемыми конструкциями и попросту безграмотными “переводизмами”, по ее невероятно популярной книге “Слово живое и мертвое”. Теперь у читателей появится шанс узнать Нору Галь “изнутри”, не только как профессионала, но еще и как человека — и убедиться, что представить одно без другого невозможно: практически все свое время она посвящала работе, а трудиться без глубокой личной вовлеченности для нее было немислимо.

Составительница книги, Э. Б. Кузьмина, — дочь Норы Галь, и с наследием знаменитой переводчицы она, безусловно, обходится очень бережно. Уже само название, “Мама Маленького принца” (так про Нору Галь говорил актер Евгений Леонов), кажется мне несомненной удачей. С одной стороны, очевидно, что без разговора об этой сказке вести речь о Норе Галь невозможно, с другой — почти интимная интонация слова “мама” заранее подсказывает читателю, что эта книга создаст совершенно другой, “непубличный” облик переводчицы; ну и наконец, это в самом буквальном смысле книга дочери о матери. Отдельного упоминания заслуживают тщательно продуманные заглавия каждого из разделов: в них легко распознаются не только цитаты из работ самой Норы Галь и ее коллег (“Мы в ответе...” и “Одни только дети знают...” — разумеется, “Маленький принц”; “Мы одной крови...” — “Маугли” в переводе Н. Дарузес), но и отсылки к Пушкину и Чуковскому.

Этот довольно объемный сборник состоит по большей части из личной корреспонденции Норы Галь. Каждый раздел объединяет письма к тем или иным адресатам — друзьям, соратникам-переводчикам, издателям, читателям, а иногда даже и к самим авторам. “Нитками”, стягивающими отдельные “лоскутки” писем в единое целое, служат вступления к каждой главке, которые написала сама Э. Б. Кузьмина, и воспоминания друзей и коллег Норы Галь. Такие связки составляют очень небольшую часть от всего объема сборника, и в этом, на мой взгляд, одновременно и его недостаток, и его достоинство. С одной стороны, мне не хватило, к примеру, подробного биографического очерка: вступительной справки, которая занимает всего три с небольшим страницы, явно мало. Но в то же время важно, что свидетельства коллег, друзей и родных не заглушают собственный голос главной героини: Нора Галь предстает перед читателем не через призму восприятия современников — она рассказывает о себе са-

ма. Безусловная ценность книги в том, что это своего рода повествование от первого лица.

Дочь Фриды Вигдоровой, писательницы, правозащитницы и ближайшей подруги Норы Галь, Александра Раскина справедливо отмечает, что “мама Маленького принца” была “человеком очень ‘частным’ по натуре”. Если “Подстрочник” Лилианны Лунгиной — это история целой эпохи, рассказанная ее непосредственным свидетелем, то книга о Норе Галь, такой же ровеснице двадцатого века, как и Лунгина, рисует скорее образ отдельной личности в контексте большой истории. Сравнение, конечно, не совсем корректно: в данном случае перед читателем вещь совершенно другого жанра, не мемуары, а личная переписка, и поэтому образ времени здесь не эксплицирован — однако он все же проглядывает и из самих писем, и из вступлений к разделам, и из воспоминаний современников о Норе Галь, и его можно восстановить по крупицам.

Роль художественного переводчика в стране, отделенной от остального мира “железным занавесом”, приобретала колоссальное значение. Знакомство с иностранными авторами, несмотря на цензуру и на то, что круг дозволенных к переводу книг был очень ограниченным, зачастую было для уставшего от соцреализма советского читателя глотком свежего воздуха. Разумеется, доступа к литературе на языке оригинала ни у кого не было, и на переводчика ложилась огромная ответственность: он должен был не только перевести ту или иную книгу, но и убедить редакцию в ее “благонадежности”. И вот Нора Галь в надежде открыть читателю то или иное понравившееся ей произведение неоднократно обращается в самые разные книжные редакции, получает отказ и пишет снова. Роман Невилла Шюта “Крысолов” она перевела в 40-е годы, а добиться его публикации смогла только к началу 80-х. “Корабль дураков” Портер пролежал в столе больше десяти лет, а перевода “На берегу” — еще одного романа Шюта — Норе Галь даже не довелось увидеть: он вышел уже после ее смерти.

“Железный занавес”, разумеется, не только ограничивал приток иностранной литературы в Советский Союз, но и перекрывал движение в обратном направлении. Переводчики, не имевшие возможности выезжать за границу, зачастую не представляли себе реалий другой культуры и даже не могли общаться с теми писателями, которых переводили. И если связаться с французскими исследователями творчества Сент-Экзюпери Норе Галь удалось, то познакомиться с самими авторами так и не получилось. Она несколько раз писала Харпер Ли и Артуру Кларку, но так и не получила ответа, и неизвестно даже, дошли ли письма до адресатов.

Работать в таких удушающих условиях современным переводчикам, конечно, уже не приходится, но не все трудности остались в прошлом. Нору Галь неизменно возмущало переиздание ее работ без ее ведома и внесение редакторской правки без согласования с ней, потому что достаточно убрать не просто одно слово, но даже тире, чтобы нарушить так старательно подобранный ритм: "...очень прошу не менять текст по-другому: дорожу каждой интонацией". Однако кое-где, к сожалению, такая практика по-прежнему живет.

Можно спорить с отдельными переводческими решениями Норы Галь (я, например, не соглашусь с тем, что скатерти "без швов" и "без морщинки" — это одно и то же) или с ее непримиримой позицией по поводу англицизмов ("факт", "проблема", "момент" и многие другие заимствования уже стали частью русского языка, и попытка полностью избавиться от них в современных переводах вышла бы довольно натужной, если только это не специфический авторский прием), но невозможно не восхищаться ее удивительной принципиальностью, трудолюбием и чувством глубокой ответственности перед издателями и читателями. Ни один свой перевод Нора Галь не считала полностью завершенным: к каждому новому переизданию текст неизменно редактировался и шлифовался во второй, третий, пятый раз, и так на протяжении не одного десятка лет. Все дополнительные расходы она готова была брать на себя. Такая кропотливая работа шла над каждым из переводов, но больше всего правок пережил, конечно, "Маленький принц": "ребята-читатели" обязательно должны были получить "доброкачественную книгу".

И при этом профессиональное для Норы Галь неотделимо от личного. Она проводит за работой по двенадцать-пятнадцать часов в сутки и все равно успевает отвечать на каждое письмо — с просьбой ли, с советом, с благодарностью. Она находит время и силы покровительствовать тяжело больному парализованному переводчику: подыскивает для него тексты, редактирует его переводы, достает редкие лекарства и даже "выбивает" в далекую деревню вертолет. Она очень сдержанно и вежливо отвечает начинающим поэтам, которые присылают на ее суд откровенно слабые стихи.

"Успех в жизни, — пишет Нора Галь в ответ на один из вопросов анкеты, которую ей прислали дети-читатели, — когда находишь настоящее дело, работу по душе, делаешь ее в полную силу, с любовью, можешь чему-то и на работе и вне ее научить других, в чем-то им помочь" (с. 353). Именно такую работу она и нашла — и посвятила ей себя целиком.